

ответственность, готовность к риску. Задача государства и состоит в том, чтобы создавать условия для формирования гражданской зрелости, для общественной и политической деятельности новых поколений, молодежных объединений и организаций.

Литература

1. Чупров В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве // Социе 1998, № 3, с. 94.
2. Политология: Энциклопедический словарь. Мн, 1993.
3. Местовский Н.А. Состояние политической культуры студенческой молодежи в современном трансформирующемся обществе // Социология 2000, № 2, с. 65.

Резюме

В статье рассматриваются проблемы формирования социально-политических ценностей студенческой молодежи в условиях трансформирующегося общества в Республике Беларусь. На основе теоретического материала и данных социологических исследований обосновывается необходимость совершенствования государственной молодежной политики с целью вовлечения студенчества в общественно-политическую жизнь государства.

Summary

The problems of forming of social and political values of student youth in conditions of transforming society in the Republic of Belarus are examined in the article. The necessity of perfection of state youth politics with aim of involving of student bodies into social and political life is proved on the basis of theoretical materials and facts of researches.

УДК 101:316

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Л.Н. ГУМИЛЕВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ЕВРАЗИЙСТВА С.Г. Павочка

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Актуальный дискурс по поводу евразийского теоретизирования в общественнознании достаточно часто проводится без уточнения содержания его границ, хронологических этапов становления. Очевидной является также тенденция к стиранию различий между собственно философскими, научными его составляющими и идеологическими компонентами доктрины, что вытекает из неявного согласия идентифицировать евразийские изыскания в пространстве

философских концепций русской социальной мысли конца XIX – первой половины XX вв. Тем самым предполагаемая значимость евразийства как философского построения ретуширует его конкретно-научный и междисциплинарный характер, обусловленный разнообразием исследовательских интересов входивших в евразийскую среду мыслителей. Представляя собой составную часть истории русской философии, данные изыскания могут быть с достаточными основаниями репрезентированы и в русле нефилософского знания: истории (Г.В. Вернадский), права (Н.Н. Алексеев) этнологии (Л.Н. Гумилев), лингвистики (Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон), географии (П.Н. Савицкий), религии (Г.В. Флоровский) и т.д. Указанная черта евразийства не менее значима, а иногда – в особенности в современных исследованиях – выходит на первый план, представленный преимущественно рамочными условиями конкретно-научного подхода, что побуждает многих сомневаться в философском смысле евразийства. Это делает необходимым анализ евразийства именно с позиций интерпретаций и оценок его идейного содержания как социально-философской конструкции, обнаружившей значительный эволюционный потенциал и ставшей весьма востребованной отечественным обществознанием конца XX – начала XXI вв. В 60-80 гг. XX века своеобразная монополия на наследие евразийства была заявлена русским историком, автором получившей широкую известность пассионарной концепции этногенеза Л.Н. Гумилевым, рассматривавшим собственные историко-теоретические исследования как продолжение евразийской традиции и причислявшим себя к «последним евразийцам».

Сближают Л.Н. Гумилева и евразийцев не только интерес к монгольскому наследству, географическому и историческому обоснованию евразийского единства, но и их взгляды на проблему соотношения этноса и окружающей его среды. Идея «месторазвития» является главной точкой «притяжения» геополитики П.Н. Савицкого и этнологии Л.Н. Гумилева, выдвинувшего понятие «вмещающего ландшафта» для обозначения естественной (органической) связи этноса с природной средой. Вместе с тем П.Н. Савицкий проговаривает сугубо евразийскую интуицию, не признанную, по всей видимости, Л.Н. Гумилевым, но имевшую принципиальное значение в рамках евразийской концепции: Евразия есть месторазвитие, в котором начала месторазвития преобладают над началом генетической близости.

Категория месторазвития обосновывала новую отрасль знаний – геософию как синтез географических и исторических начал. Смычка географии и истории, подхваченная и продолженная Л.Н. Гумилевым,

подразумевала поиск инвариантных корреляций между географией и историей. Если культура есть принадлежность месторазвития, то культурные традиции оказываются вросшими в географический ландшафт, отдельные месторазвития становятся культурно устойчивыми, приобретают особый и специфически им свойственный «культурный тип». В то же время евразийское государство интегрировано не только месторазвитием, но и общностью мировоззрения, основанного на особом принципе отбора правящего слоя. «Идея-правительница» (Н.С. Трубецкой) и «идея-сила» (Н.Н. Алексеев) в разрезе государствоведения евразийской доктрины в совокупности с «месторазвитием» были истолкованы как «качествования» соборного субъекта, не только определяющие единство евразийского политического целого, но и обуславливающие его качественную обособленность и самодостаточность. В «Опыте» утверждалось, что сама Евразия как особый мир впервые предстает в империи Чингисхана, ибо монголы впервые реализовали историческую задачу объединения Евразии, «положив начало ее политическому единству и основам политического строя» [1, с. 261]. В силу этого стремление вывести истоки российской государственности из византийского наследия не совсем корректны. Применительно к духовной и культурной области византийская струя русской государственности понятна и значима, но для геополитического бытия России-Евразии сфера Византии является внешней. В геополитическом значении больший вес приобретала погруженность России в сферу монгольской державы. «Славянский характер, славянская психика и славянская культура – мифы», – заключал Н.С. Трубецкой. Единственным связующим Россию со славянством звеном является язык, а поэтому понятие славянства не является этнопсихологическим, антропологическим, этнографическим или культурно-историческим, оно есть понятие исключительно лингвистическое или «народоязыковое сознание». Русская культура как культура евразийская вобрала в себя византийскую традицию культуры, традицию монгольской государственности и церковно-славянскую традицию русского языка, но по-настоящему русскими они становились только тогда, когда соприкасались с православием.

Л.Н. Гумилев разделяет отстаиваемую Н.С. Трубецким идею самопознания как условия истинного национализма и самобытной культуры. Самопознание личности и самопознание народа обретают императивные значения этнических доминант, вписанных в динамику этногенеза. За культурологическими, историческими и лингвистическими проблемами Н.С. Трубецкого стоит поиск

определенного инварианта – категории этнологически значимого целого, у Л.Н. Гумилева – поиск глубинного инварианта этногенеза. Н.С. Трубецкой обнаруживал этот инвариант в этническом субстрате государственности. Л.Н. Гумилев предлагает новое измерение евразийского единства: в своей целостности евразийский суперэтнос детерминирован единством генезиса пассионарных толчков, схожестью этнических ритмов. В этом он продолжает линию классического евразийства. Но если Евразия-Россия есть суперэтнос, образуемый «общностью исторической судьбы» народов, тогда он есть результат не только природной естественности, но и естественности исторической, следствие осознанности и ответственности совершенного выбора. При всей слабости обоснования (общеевразийский национализм есть национализм, идеально конструируемый и не всегда в должной мере соотносимый с онтологическими измерениями Евразии), идея общеевразийского национализма – это идея осознанности и сознательного выбора в спектре национально-этнических идентификаций. В то же время единство Евразии Л.Н. Гумилева – это единство на уровне биосферных комплексов, природных детерминаций бытия этнических общностей.

Л.Н. Гумилев недооценивает метафизические предпосылки евразийского мировоззрения, не замечает антиномичности обоснования евразийского единства, осуществляемого на сверхрациональном уровне мышления. Он ограничился признанием православия как интегрирующего и обеспечивающего преемственность культурной традиции фактора. В то же время при определенном различии в подходе к оценкам христианства в евразийской среде (а именно конфессиональный аспект историософии евразийства оказался наиболее уязвимым), определенная амбивалентность в отношении христианской религии присуща отстаивавшему «примат культуры» Н.С. Трубецкому, выступившему с обоснованием «закона национальной обособленности» в свете христианской догматики. Вселенскость христианства В.С. Соловьева трансформировалась в идею христианства объединяющего внутри, но обособляющего вне Евразии. Двухзначность подобной трактовки обусловила слабость евразийской интенции, пытающейся субстантивировать себя как мировоззрение религиозное и соборное. Православие в евразийстве трактуется явно модернистски и «футуристически», оно несло определенную прагматическую нагрузку в идеологическом и онтологическом контекстах. Евразийская концепция культуры и философии истории немислима вне этой трактовки православия, приобретающей черты идеологии, открытой в будущее.

«Футуризм» евразийского видения в религиозно-философском разрезе его содержания призван был снять различия между православием и неправославным миром в процессе оправославления нехристианских сущностей Евразии. Примат религии, лежащей в основе всякой культуры, и исключительность введенного евразийцами русского православия как всеединства и полной индивидуации (Л.П. Карсавин) разрывают континуум индивидуаций-качествований как стяженных всеединств, элементарных структур эмпирического существования (иноверия и инославия), не совпадающих с их концептуализацией на уровне метафизического мышления. Н.С. Трубецкой настаивал на православии как единственно возможной религии евразийского континента и выражал сомнения по поводу возможности синтеза православия и различных форм иноверия и инославия евразийского Востока, поскольку «вне православия все или ересь, или язычество, или раскол».

У всех евразийцев (за исключением Г.В. Флоровского), по мнению С. Хоружего, происходит редукция культуры и возведение ее в ряд органических категорий. Как родовая черта евразийского дискурса редукция характеризует и теорию этносов Л.Н. Гумилева, несмотря на новую обширную трактовку русской истории и универсальную динамику этногенеза: «Гумилев подчинил евразийское наследие полуфантастическим общим концепциям, где царят произвол и вульгарный материализм» [2, с. 134]. В отношении научного наследия Л.Н. Гумилева данный аспект критики евразийства подытоживает В. Керимов. Он видит в концепции этногенеза логическое завершение классического евразийства и приведение его разнородности и первоначальной многозначности смыслового поля к единому знаменателю, сведение религиозного мотива до уровня «государственной полезности» православия, доминирование природно-биологических факторов [3, с. 150-151]. Так или иначе, Л.Н. Гумилев модернизировал концепцию евразийства, а современный интерес к нему во многом обязан ученому как популяризатору евразийских идей. Как историк Евразии, сложившийся вполне самостоятельно, Л.Н. Гумилев оперирует в концепции этногенеза рядом евразийских понятий и концептуальных оценок событийной истории, что необходимо отсылало его к евразийству как исторической школе, историософской традиции, хронологически предшествовавшей ему. В данном отношении показательна эволюция евразийского мировоззрения Л.Н. Гумилева от историко-этнических взглядов к политическим, приведшим к смещению смыслового поля трактовки российской самобытности от культурно-философских аспектов к

политическим и экономическим факторам идентификации России-Евразии, восходящей опять-таки к евразийству. При всей оригинальности концепции этногенеза ее автор повторил траекторию движения исследовательских принципов и мировоззренческих установок самого евразийства: «от примата культуры к примату политики». Опираясь на естественнонаучное знание, Л.Н. Гумилев был далек от примата культуры, но евразийский поиск «этнографического значимого целого» привел его к пониманию этого целого как пассионарно-энергетического единого, отлитого в формы суперэтнической политической субстанциональности. Отсюда и риторический пафос его последних высказываний: «объединиться, чтобы не исчезнуть», «если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство».

Литература

1. Евразийство: опыт систематического изложения // Мир России – Евразия: Антология. – М., 1995.
2. Хоружий С.С. О старом и новом. – СПб., 2000.
3. Керимов В. Евразийство: перспективы и тупики // Евразийская перспектива. – М., 1994.

Резюме

В статье анализируются содержательные характеристики эволюции социально-философской парадигмы евразийства, раскрыты специфические способы ее актуализации в научном наследии Л.Н. Гумилева.

Summary

In the article the substantial characteristics of the evolution of a social-philosophical paradigm of eurasian current are analyzed, the specific ways of its actualization in L.N.Gumilev's scientific heritage are defined.

УДК 316.4.051.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В.Л. Петрушак

УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

Наращение глобальных проблем человечества, рост пропасти между богатыми и бедными в большинстве стран мира и ощущение кризиса и упадка техногенной цивилизации во многом является следствием нахождения мира в точке перехода от индустриального к